

Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль»

Сообщения
Ростовского музея

Выпуск XXIII

Ростов
2018

Отчий дом

Глава из биографической книги об Александре Андреевиче Титове
(к 140-летию со дня рождения)

Я. Е. Смирнов

В сентябре 2018 г. исполнилось 140 лет со дня рождения Александра Андреевича Титова (1878–1961) — видного ученого-химика, общественного и политического деятеля, одного из ярких представителей русской эмиграции в Париже. Уже много лет я занимаюсь изучением жизни «младшего Титова», расколотой большевистской революцией 1917 г. на две половины — в России и в эмиграции¹. По сути, его жизнь на родине — от рождения до становления ученого и общественного деятеля, горячо откликавшегося на политические процессы в стране, — это история большой и дружной семьи Титовых, в которой центральное место в воспитании детей, в выборе их жизненного пути принадлежало отцу Александра — Андрею Александровичу Титову (1844–1911), знаменитому ростовскому купцу, историку, общественному деятелю². Не случайно уже во Франции, многие десятилетия спустя после жизни в Ростове, а затем в Москве, вспоминая прошедшее, Александр Титов признается, что отец «играл значительную роль в нашей жизни, и в детский, и в отроческий периоды». Отчий дом на ростовской Покровской улице для него был и колыбелью, и целым миром открытий жизни и самого себя, и местом, куда вновь и вновь он мысленно возвращался, уже «с других берегов». Биографический очерк Александра Титова в рукописи книги «Ростов Великий и другие берега» открывается главой «Отчий дом», повествующей о детских годах ростовского мальчи-

¹ См.: Смирнов Я. Е. Отчий дом: [Из парижских воспоминаний Александра Титова] // Золотое кольцо. 2000. 13 апр. (№ 69). С. 4, 6. — («Уединенный пошехонец»; вып. 88); *Он же*. «Все мы тогда были уверены, что большевики долго не продержатся...»: [Из парижских воспоминаний Александра Титова] // Ярославль многоликий. 2002. № 3. С. 31–32: фото; *Он же*. Потомки Андрея Александровича Титова во Франции: встречи и впечатления // На земле Преподобного Сергия Радонежского: Четвертые и пятые краеведческие чтения, 2004, 2005 годы: Сборник статей. Ростов Великий, 2006. Вып. 3. С. 32–47; *Он же*. Ярославцы в Тургеневской библиотеке в Париже // Библиотеки в сохранении исторической памяти народа: Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию Д. С. Лихачева. Ярославль, 2006. С. 28–48; *Он же*. Титов Александр Андреевич (1878–1961) // Ярославский край в XX веке. Кто есть кто? : Историко-биографический справочник / гл. ред. Ю. Ю. Иерусалимский. Ярославль, 2008. Т. 2: Политика. С. 83; *Он же*. Титов Александр Андреевич // Московская энциклопедия / гл. ред. С. О. Шмидт. М., 2012. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 4. С. 577–578.

² См.: Смирнов Я. Е. Андрей Александрович Титов (1844–1911) / отв. ред. С. О. Шмидт. М., 2001; *Он же*. Андрей Александрович Титов. Ярославль, 2015.

ка — до той поры, когда по воле отца же Саша стал гимназистом немецкого Петропавловского училища в Москве³. Предваряя книжную публикацию, предлагаю вниманию читателей эту главу о детстве Александра Андреевича Титова, прошедшем в его родном Ростове Великом. Вспоминая сегодня жизнь талантливого ученого и человека, особенно уместно обратиться к его юным годам, раскрыть которые помогают многие архивные источники. В основе будущего документального издания, помимо биографического очерка о герое книги, — мемуарные источники, семейная переписка, материалы из эмигрантской печати.

* * *

27 августа (по новому стилю — 8 сентября) 1878 года у Надежды Александровны Титовой в Ростове родился мальчик.

Андрей Александрович узнал о рождении сына, находясь на Нижегородской ярмарке, где он ежегодно, как и подобало серьезному купцу, проводил неотлучно все время ее работы — с конца июля по начало сентября. Здесь, помимо осуществления своей главной купеческой цели — «наживы», он был вовлечен еще в большой общественный круговорот. Уже в конце жизни ростовского купца можно было подвести своеобразный «ярмарочный итог» в его биографии: состоя на протяжении более 30 лет членом Биржевого комитета Нижегородской ярмарки, Ан. Ал. Титов ведал делами ее санитарной части, больничного отдела и статистического бюро; под его наблюдением издавались ежегодные отчеты о ходе ярмарочной торговли; он покровительствовал работе бесплатных народных столовых и библиотек, функционировавших на всем протяжении ярмарочного сезона.

Радостное известие о рождении наследника само собой перечеркнуло все невзгоды последних лет — невыносимый полицейский гнет⁴ и смерть годовалого первенца Ивана. Быть может, в то счастливое мгновение Андрею Александровичу вспомнилось шутовское послание от его ярославского друга и поэта Леонида Трефолева, адресованное в июле 1876 года на имя... новорожденного малютки: «Милостивый государь Иван Андреевич! Получив приятное известие о благополучном рождении вашем, от всей души желаю здравствовать вам и вашей родительнице. Конечно, многоуважаемый Иван Андреевич, вы еще не успели обучиться грамоте российской, и потому едва ли можете отвечать на сии строки, внушенные истинным расположением к вашей маленькой особе. Желаю вам поменьше кричать. Потрудитесь, однако, вразумить своего почтенного родителя своим криком, что я буду

³ Публикацию главы (с сокращениями) о периоде ученичества Александра Титова см.: *Смирнов Я. Е.* С Покровки на Покровку: [по страницам книги «Ростов Великий и другие берега»] // Ростовская старина / газета Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль». 2016. Вып. 7 (176). С. 1, 3.

⁴ *Смирнов Я. Е.* Купец А.А. Титов под надзором полиции (новые документальные источники) // История и культура Ростовской земли. 2015. Ростов, 2016. С. 111–171.

готов плыть на пароходе к указанному времени»⁵. В тот год два приятеля собирались вместе отправиться по Волге на «торжище» в Нижний...

Маленький Ваня свое имя получил в честь любимого деда Андрея Александровича — Ивана Андреевича Титова (1800—1866), который, по сути, заменил ему отца, и тот называл своего деда «папинькой». Через год после рождения Ванюша умер. Появившегося на свет еще год спустя второго малыша родители решили назвать Александром. И тут повод был уже двойной: в память об отце Андрея Александровича — Александре Ивановиче Титове (1820—1848), умершем молодым во время эпидемии холеры, настигшей его все на той же Нижегородской ярмарке, и в честь отца Надежды Александровны — Александра Ивановича Вахромеева (1813—1895) — именитого ярославского купца-мукомола, «миллионщика», всероссийская слава которого в те поры гремела. Рассудили мать и отец так: может, общее имя сразу двух дедов даст мальчику более счастливую судьбу...

И все же как интересно сплетает свою историю судьба человека: от новорожденного Вани отец уезжал, торопясь поспеть на ярмарку, — к новорожденному Саше он стремился, покончив там со всеми своими делами. Конечно, сама по себе ярмарка тут, может быть, и ни при чем, а вот близость к маленькому человечку, только что явленному свету, родных сердец обоих любящих родителей, очевидно, является определяющей в создании того положительного эмоционального и жизненного заряда, с которым он уже скоро войдет в мир людей. Впрочем, и в ярмарке этой тут что-то было знаковое: ведь родился-то маленький купец...

История любви Андрея Александровича и Надежды Александровны Титовых, пожалуй, достойна самого печального романа, но со счастливым концом. Это полная драматических коллизий повесть о том, как влюбленный и пылкий юноша добивался сердца Наденьки, а добившись ее расположения, вынужден был преодолевать еще одну не менее высокую и тяжкую преграду: отец запретил своей дочери даже думать о браке с ростовским купеческим сыном. «Экий выскочка нашелся на наши миллионы!» — должно быть, рассуждал ярославский папаша-толстосум. Ровно год прошел с осени 1865 года, когда Наденька отказалась под страхом родительского гнева принять от Андрея его фотографию, до осени 1866 года, когда этот его портрет, после полученного долгожданного родительского благословения на брак, оказался для нее самым желанным и дорогим подарком.

Эта любовная история во всем ее драматическом развитии и жарком накале страстей предстает перед нами в письмах Андрея к его возлюбленной, чудом уцелевших с тех самых давних времен в его архиве. В ту пору ей было 18 лет, ему шел 21-й год. 23 февраля 1866 года скончался дед Андрея Александровича — Иван Андреевич Титов, оставивший все свое состояние и торговое дело внуку. Уже в начале апреля его завещание

⁵ Ростовский филиал ГАЯО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 2. Л. 34 (письмо из Ярославля от 12 июля 1876 г.).

вступило в законную силу, и молодой наследник сделался полноправным и свободным хозяином фамильного Торгового дома. С этим и было связано появление 14 апреля очередного послания Андрея к его любимой Наденьке в Ярославль:

«С невольной робостью, с замиранием сердца, пишу вам, мой милый бесценный друг N, думайте об этом письме, как хотите: но знайте, что только крайняя необходимость вынудила меня писать к вам. Я человек энергичный, я никогда не отступаю от того, что я задумал. Вспомните те сладкие минуты, когда я вам сказал, что я вас люблю, вспомните, что я говорил вам; я вам говорил в то время, когда бы положительно не мог и не должен бы был говорить, когда я был человек обязанный, человек подвластный, в некотором смысле невольник, не имеющий ни силы, ни воли, ни даже цели в жизни, теперь я свободный, могущий прожить весь свой век не только безбедно, но даже богато, богаче всех в здешнем городе [...], имеющий возможность безотчетно и бесконтрольно располагать собой, я и тут не изменил вам, я и тут не отступил от однажды задуманной мной мысли, я как любил вас, так и люблю и буду любить. Вы ведь знаете, что мне сказал на мою любовь ваш отец — он попрали все чувства, которые взошли в мою плоть и кровь, в которых я воспитался, вжился, разве прежде я не приносил средств моей любви к вам, сколько я вытерпел из этой любви цинически грязных, грубых насмешек, очень убедительных, чересчур явных намеков. Если вы имеете малейшее понятие о моей гордости, то вы поймете, что стоило мне все это. И я после всего этого еще жив, еще имею возможность жить, не верится мне все это.

Ваш отец мне начисто отказал иметь возможность видеть вас моей женой, моей милой дорогой подругой; он жестоко ошибся во мне. Я человек всю жизнь (положим, очень не долгую еще, но зато полную ощущений) свою был борцом за свои права, за свои принципы, я не могу, повторяю вам, отказаться от того, чего я хочу. N, друг мой, будь моей женой, моей милой бесценной подругой, пойми же меня, я для тебя все сделаю, я буду твоим другом, мы будем вместе мыслить, жить новой жизнью, я не введу тебя в семью, не поставлю тебя сразу в зависимое положение, ты будешь сама большая, сама меньшая. Мне не нужны деньги твоего отца, у меня своих много, у меня есть руки, у меня есть голова, я сам полон сознанием своего ума, своей силы, брось глупые предрассудки толпы, уже отжившие, потерявшие свой авторитет, предоставь эти нелепые обычаи, эти свадебные пиршества и пьянства неразвитой массе, загубелой в своих варварских понятиях. Вспомни слова тех великих мыслителей, которые ты читала. Если у тебя есть хоть одна доля любви ко мне, то вот план, который я придумал для осуществления (сначала Андрей написал «своих целей», потом подумал, перечеркнул и вывел... — Я. С.) наших целей.

Не думай, в общественном мнении ты ничего не потеряешь, не потеряешь и в моем мнении, нет, ты возвысишься в моих глазах в стократ, я буду видеть в тебе женщину, так энергично жертвующую собой для меня,

неужели же ты мне не веришь, неужели я обманусь в тебе, нет, тысячу раз нет, я тебе верил и верю. Поверь и преданному любящему тебя»⁶.

Как знать, может, вследствие именно таких страстных и убедительных речей сердце купеческой девицы окончательно растаяло, превозмогло страх неотвратимой отцовской кары, и на свет появилась вот эта ее крохотная записочка, которую нам удалось извлечь из самой толщи архива ее будущего супруга: «Милой мой, люблю тебя. Тутушечка. До свидания, милой Ондуся, жду тебя завтра вечером, я после тебя ничего не спала. Твоя Наденька»...⁷.

Но это был лишь первый робкий шаг к их обоюдному счастью. Андрей стремился с еще большей убедительностью и обстоятельностью продемонстрировать Наденьке свою любовь. От нее теперь во многом зависело, быть ли им вместе: за счастье и за их совместное будущее предстояло бороться. Как «новый» и прогрессивный человек, исповедовавший либеральные взгляды, он стремился доказать возлюбленной, что только она вправе распоряжаться собственной судьбой, свободно и открыто идти навстречу своему счастью. Деспотический, замкнутый мирок провинциального купечества — это, убеждал юноша, не ее удел, и хотя он и сам принадлежит к слою «провинциальных купчиков», однако, давно уже чурается их «варварских понятий» и «глупых предрассудков», а потому и ей хотел бы открыть глаза на эти дикие, с позиций нравственно развитого человека, «понятия».

18 мая 1866 года Андрей писал своей Наденьке: «Принадлежа к новым людям, я всегда старался те великие истины проводить в жизнь не словами, а делом. Вот почему, когда я получил полную свободу, деньги, все, я ни на волос не изменился, я стал работать больше, вставал в 5, а ложился в 12 ч., работа меня нравственно поддерживает, я смело могу смотреть в глаза каждому, я не даром ем хлеб. Такие убеждения, разумеется, многим не нравятся, поживиться от меня нечем, я нажил кучу врагов; должен избегать своих бывших приятелей, вот это-то одиночество для меня невыносимо, я должен же, наконец, иметь какого-нибудь любящего человека около себя, и кого же мне иметь, как не вас, мой милый, бесценный друг.

Теперь я смело могу сказать, что я вас не введу в семью, никто не будет над вами больше вас, не будет этих деспотических поступков, которые есть в каждом купеческом семействе. Что же касается материальных средств к жизни, то я настолько богат, что могу прожить лучше, чем вы живете. На меня можно положиться, папенька ведь понял же меня, когда мне все отдал, и смело говорю, что это все заработано моей головой.

И вы, если меня любите, будьте же настойчивы в своих действиях, просите, молитесь, требуйте. Ваш папаша ничего не может против вас сделать. Не верьте ни каким сплетням, откиньте всякое вероятие, что я могу жениться на другой. Это вздор, пусть враги мои распускают глупые клеветы, это их убожество им к лицу. Пусть ваш папаша на вас сердится, лишит вас

⁶ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 69. Л. 3—4 об.

⁷ Там же. Д. 1800. Л. 51—51 об.

каких-нибудь денег, я повторяю вам, у меня своих довольно. Ведь не денег же в самом деле я ищу»⁸.

А через несколько дней Андрей отправил Наденьке в подарок книгу. О, Боже, и что это была за книга! «В субботу я вам послал Шекспира, прочтите его, это великий мыслитель, и его король Лир — вещь мировая, славное произведение. Жалко, что я не читаю его с вами, я бы объяснил то человеческое значение, которое придает Шекспир своим произведениям. Это будет вам мой маленький подарок за все то ваше расположение, которые вы мне оказали, когда я был у вас, я очень уверен, что вы не откажетесь от Шекспира. Навсегда вам преданный А. Титов»⁹.

Что подарил просвещенный «купчик» своей возлюбленной на ее 19-летие, случившееся 17 сентября, нам осталось неизвестно, но себе подарок в те дни он готовил верный. Точнее, это был еще один отчаянный шаг добиться руки и сердца дорогой ему Наденьки от ее непреклонного отца. Вопрос теперь для него звучал по-гамлетовски, судьбоносно: «Быть или не быть?» 29 сентября Андрей отправил в Ярославль, в дом купца Вахромеева, с верной оказией два письма...

«Надеюсь, что вы простите мне, дорогая Надежда Александровна за мою смелость писать к вам; что же делать, я сам сознаю это; но когда идет чисто гамлетовский вопрос «быть или не быть», то, право, решаешься на многое. Так делаю и я. Дело вот в чем; когда вы получите это письмо, то в это же время получит от меня и ваш папаша. Вы, я верю, догадаетесь, в чем заключается мое письмо, я не хочу даже делать дальнейших комментариев. Послушайте, если вы меня любите хоть немного (я смею это думать), то выкажете всю твердость своей воли, своего характера; к чему малодушие, к чему уступчивость? Поверьте мне, моим светлым убеждениям, моей честности, и, наконец, моей молодости, что я вовсе не хочу и не желаю, чтобы вы были несчастны; наконец, поверьте моей любви к вам, неужели вы мало в меня верите? Неужели я хуже других? И, наконец, пожалейте меня. Ведь я несчастен вполне, я одинок, я деморализован. Мне некуда приклонить свою усталую, измученную голову; я одинок, я вполне несчастен. Подумайте и об своей будущности, неужели вам будет хорошо жить с каким-нибудь купчиком, которых ваш папаша, может быть, имеет в виду для вас, ведь, право же, незавидный это удел, я этих купчиков знаю вполне, я уже имел с ними дело. Итак, я прошу от вас борьбы, прошу настойчивости, твердости вашего характера, я вас прошу, что если вы только меня любите, требовать от вашего отца, верьте мне, что если вам он будет отказывать, и когда вы будете настаивать, будете просить, молить, то для вас все сделается, если он вам будет говорить о каких-нибудь деньгах, то ради Бога скажите, что я настолько богат, что могу же содержать свою жену и без всех других средств. Я слишком верю в свои силы, в свою голову, я слишком уверен в себе, и, наконец, я слишком умен для того, чтобы

⁸ Там же. Д. 69. Л. 1 об.—2.

⁹ Там же. Л. 7.

обойтись без посторонних средств. Я уже не мальчик, я много испытал, перенес в жизни, перенес столько, что другой во всю жизнь не перенесет, и вот все эти испытания приводят к тому итогу, что мне пора отдохнуть от бурь и тревог, мне пора насладиться счастьем. Неужели вы не хотите пожертвовать хоть чем-нибудь для любимого вам человека, неужели вы, наконец, не захотите понять меня? Нет, тысячу раз нет. Я верю в вас, я не имею причины не доверять вам. Наконец, веря в вас, я требую от вас жертв, которые необходимы. Идите к вашему папаше, молитесь, плачьте, требуйте, и я верю, вы достигнете своей, и моей, цели. Ответьте через ту же, кто пришлет вам это письмо — любящему вас Андрею Титову»¹⁰.

Прошло лишь несколько дней, и непреступный было Карфаген, как оказалось, пал... Что явилось подлинной причиной милости Александра Ивановича Вахромеева, — упорная ли настойчивость неробкого претендента в зятя, отчаянные ли мольбы и слезы его единственной дочери, или, может, вдруг поверил своим практическим, и даже, как многие считали, «математическим» умом в настоящую и верную любовь, — бог весть, но он, в конце концов, сдался и дал-таки молодым свое родительское благословение. Окрыленный Андрей писал восторженно уже своей невесте: «Ты не можешь себе представить, как только я счастлив, милая Наденька. Я еще и теперь не могу опомниться, не могу прийти в себя от этого счастья, право, как все только это сделалось? Или уж судьба так расположена ко мне, или под планетой счастливой родился? Но я отставлю все эти абстрактности; я верю только в то, что ты поняла меня, поверь же мне, человеку рано начавшему жить, понимать жизнь, что я все оценю это, что я тебе постараюсь отблагодарить своей любовью, дать тебе все блага от своей свободы, которой я безгранично пользуюсь»¹¹.

Это послание датировано 8 октября 1866 года. А через месяц в Ростове молодые сыграли свадьбу. Разосланное гостям приглашение гласило: «Пелагея Никифоровна (бабушка Андрея Александровича и вдова И. А. Титова. — Я. С.) и новобрачные Андрей Александрович и Надежда Александровна Титовы просят Вас пожаловать на бал сего ноября 8 дня 1866 г. в 8 часов вечера»¹². Прибывший на торжества в окружении семейной свиты А. И. Вахромеев, хотя и ощущал себя после схватки с дерзким ростовским «купчиком» побежденным, но все же остался доволен удачно сложившейся партией. Независимый и гордый зять и впрямь от приданого отказался. «Когда умру, все ваше будет», — твердил в свое оправдание старик, и тут же в уме подсчитывал образовавшуюся экономию. «Это, конечно, было на руку тестю, который все деньги употреблял в дело», — уже во Франции вспоминал Александр Андреевич Титов.

«Семейная жизнь моих родителей протекала благополучно», — емко резюмировал на расстоянии эпох наш мемуарист. Кроме двух мальчиков

¹⁰ Там же. Л. 5–6 об.

¹¹ Там же. Л. 10.

¹² Там же. Д. 2092. Л. 1.

у Надежды Александровны и Андрея Александровича Титовых родились еще четыре дочери — Глафира (1869), Валентина (1873), Варвара (1877) и Александра (1880). Для всей этой большой семьи, в окружении непреходящих бабушек, тетюшек и многочисленной прислуги, родовой дом на ростовской Покровской улице, и ныне еще стоящий на своем прежнем месте, был маленьким космосом — огромным мирозданием, где зарождались, вершились и умирали судьбы. Для Саши Титова этот дом стал не только родовым гнездом, материнским лоном, где он явился на свет, но и целым миром первых в жизни открытий и «понятий». Недаром самые ранние его впечатления, которые он потом зафиксировал в своих мемуарах, были связаны именно с отчим домом.

В отличие от отца, который «был на голову выше провинциального ростовского общества, и провинция не засосала его», мать, по представлению сына, происходила из «настоящего купеческого дома». Там она получила лишь домашнее, элементарное образование, воспитываясь в атмосфере старинного домостроя, при которой все зависело исключительно только от главы семейства, где господствовал дух елейной набожности и всяк был неистово богомолен, а потому даже хождение в театр считалось большим грехом. И это явилось тем принципиальным идеологическим несовпадением, которое Надежде Александровне, попавшей «в круг провинциальной интеллигенции», приходилось постоянно преодолевать. «Благодаря природному уму и такту, благодаря тому интеллигентному обществу, которое вращалось в нашем доме и с которым она встречалась во время своих путешествий, — настолько развилась, что вполне могла поддерживать разговор на разные темы».

И все же мать не смогла стать для своих детей тем духовным авторитетом, каковым для них являлся отец. Причиной здесь отчасти служила болезненность Надежды Александровны, которая у нее проявилась очень рано — уже на втором месяце брака с Андреем Александровичем. Вполне очевидно, что болезнь была спровоцирована тем сильным эмоциональным и нервным напряжением, а возможно, и какими-то психическими срывами, которые предшествовали их бракосочетанию. Девятнадцатилетняя женщина заболела одной из форм невралгии, сопровождавшейся у нее часто повторяющимися приступами мигрени, а после не слишком удачной операции у знаменитого парижского невропатолога Ж. М. Шарко, развившейся еще и в непроизвольном трясении головой. Безусловно, подобное состояние страшно мучило ее физически и нравственно, и она всю жизнь была озабочена поиском медицинских средств, которые смогли бы избавить ее от недуга. Со временем это превратилось в своего рода манию: «у мамы, — свидетельствовал сын, — была потребность видеть докторов и с ними советоваться». Андрей Александрович сочувствовал жене и не жалел денег на ее лечение. Поддержать свое здоровье она зачастую одна или же в сопровождении знакомых ей «барынек», иногда и собственных дочек, уезжала на Кавказ или за границу, — во Францию, Швейцарию,

Италию, где подолгу на курортах проводила время, перепоручая ведение хозяйства в ростовском доме сестре Андрея Александровича — вдове Александре Александровне Гейденрейх, и верной домашней прислуге. Постепенно «вредный ростовский климат» и вовсе стал для Надежды Александровны непереносим, и, избегая «тамошней слякоти и грязи», она старалась больше времени проводить за границей, поддерживая связь с мужем и детьми по переписке.

С подобными проявлениями эгоизма и постоянными капризами жены и матери вся семья, кажется, уже давно смирилась. Вот характерное письмо Александра Титова от 27 марта 1897 года, тогда выпускника московского Петропавловского училища, адресованное отцу. Находясь в Москве, он обсуждает с Андреем Александровичем предстоящую свадьбу своей старшей сестры — Варвары: «Во вторник мы с маменькой были у Рота (Владимира Карловича (1842—1908) — профессора-медика, одного из основателей Общества невропатологов и психиатров в Москве. — Я. С.), и он ей велел ехать за границу. Она хочет ехать на Фоминой неделе на целых 2 месяца, так что вернется около Петрова дня. Я положительно ее не понимаю, совсем нет у нее чувства к детям. На Фоминой приедет Глафира, чтобы с ней пожить! Потом другая дочь — невеста, и мы решили с тобой свадьбу сделать в июне, в начале. И жениху в это время удобнее. Уж выдала бы дочь, да и ехала бы туда на осень. Нет, по ее мнению Варя должна ждать до июля, т.е. до ее приезда. По моему это прямо не мыслимо. Да и жених не согласится ждать, ведь у него занятия начнутся с 7-го августа, и летом не придется воспользоваться. Да и тебе когда же возиться со свадьбой в июле, то ли дело, обвенчать их в начале июня, когда будет посвободнее. По моему, если маменька не хочет остаться, а непременно туда стремится, то свадьбу устроим и без нее. Что ты на это скажешь?»¹³

На сохранившейся свадебной фотографии молодоженов Соловьевых, снятой во дворе титовского дома, в числе присутствовавших здесь многочисленных родственников и гостей — Надежды Александровны Титовой не сыскать... По правую руку от невесты, через человека, сидит ее «мама-кока» — Александра Александровна Гейденрейх.

Впрочем, как всякая уважающая себя барыня — купеческая жена и властная хозяйка — Надежда Александровна, безусловно, любила свой большой дом. Она придирчиво следила за его внутренним убранством, стремясь обставлять интерьеры всех его двадцати комнат на европейский манер, выписывая приглянувшуюся ей мебель из столичных салонов. Испытывая эстетическую страсть к цветам, она заботилась об их разведении в саду и в доме, для чего семена и саженцы некоторых редких растений доставлялись прямо из-за границы. «Мне никогда так не нравился свой дом, как нынешний приезд, — писала как-то Надежда Александровна мужу, — сад я положительно не узнала, он теперь так хорош, что лучше ничего

¹³ Там же. Д. 1757. Л. 8—9.

не может быть...»¹⁴. Именно ей принадлежала идея специальной пристройки к дому, в которой был устроен великолепный зимний сад. Здесь она могла просиживать часами, читая книги или разглядывая модные журналы, принимая близких гостей, большей частью — докторов, которые у нее бывали «для советов» почти ежедневно (за годы врачевания они становились доверенными «членами семьи»). И конечно, самого пристального ее внимания требовала прислуга, которой в титовском доме в иные времена набиралось до 30 человек¹⁵. Весь этот «домашний персонал», состоявший из внушительной вереницы горничных, гувернанток, бонн, экономок, нянь, кормилиц, кухарок, кучеров, дворников, прачек, портних, садовников, — слушался Надежду Александровну и даже побаивался ее. С ним она была строга и властно требовательна.

Иной раз хозяйственные распоряжения сыпались и на голову Андрея Александровича, в тот момент «ворочавшего» своими капиталами где-нибудь на ярмарке «у Макарья»: «Вале привези фарфоровую куклу для горки, Варе немецкое зоологическое лото, Саше солдатский лагерь, Але мальчика, Гране на платье шерстяной материи гладкой, цвет гелиотропа, только самого светлого». Через день требования уточнялись: «Саше купи оловянных солдат, только большого размера»¹⁶. Для Андрея Александровича угодить своим любимым деткам было первым делом, вечно отовсюду возвращающегося с гостинцами.

Вспоминая атмосферу приятного гостеприимства в отчем доме, Александр Андреевич Титов свидетельствовал: «Мои родители много принимали...». Впрочем, он тут же оговаривался: у Титовых практически невозможно было встретить ни местных купцов, ни офицеров, — их отец «недолюбливал». Зато постоянным завсегдатаем в доме на Покровке была интеллигентная публика — местные врачи, учителя, директор гимназии, земские деятели, духовенство с женами. Огромная известность Ан. Ал. Титова, его широкие деловые, общественные и научные связи, приводили в его дом многих всероссийских знаменитостей. В числе них были крупные предприниматели, сановные лица, ученые, коллекционеры, художники, артисты, приезжавшие в Ростов специально «к Титову», или спешившие заглянуть в дом ростовского «археолога» после впечатляющего посещения воссозданного из руин древнего Кремля и его прославленного Музея церковных древностей. Надежда Александровна невольно была вовлечена в круг интересов своего мужа, которые она, как могла, разделяла и поддерживала. Она пристально следила за его достижениями, и ей, безусловно, немало льстило осознание факта, что ее муж, в общем-то, как и она, постигавший свою грамоту лишь с домашним учителем, теперь так известен и уважаем всеми этими солидными учеными мужами.

¹⁴ Там же. Д. 1789. Л. 64 об. (письмо от 12 авг. 1889 г.).

¹⁵ Титовы, 2002. С. 134.

¹⁶ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 1800. Л. 39 (письмо от 29 авг. 1885 г.); Л. 41 (письмо от 1 сент. 1885 г.).

Бывали случаи, когда и ей приходилось становиться в центре всеобщего внимания, и от имени мужа принимать в своем доме именитых гостей. Чего только стоит факт посещения Ростова Великого делегатами VII Археологического съезда, состоявшегося в августе 1887 г. в Ярославле. 11 августа весь съезд, числом более сотни человек, пожаловал обозреть возрожденные ростовские святыни, а отсутствовавший в то время в городе «виновник» этого археологического интереса был занят — ну, конечно же! — ярмарочными делами. В числе прибывших специальным поездом в Ростов были председатель Московского Археологического общества графиня П. С. Уварова, директор Ярославского Демидовского лицея С. М. Шпилевский, ярославский городской голова И. А. Вахромеев (и, по удачному совмещению, — родной брат Н. А. Титовой), известные историки И. Е. Забелин, Д. И. Иловайский, А. И. Кирпичников, А. А. Кочубинский, В. Е. Румянцев, граф М. В. Толстой, В. К. Трутовский, и совсем еще молодые ученые В. Г. Дружинин, С. Ф. Платонов, С. М. Середонин, А. А. Спицын, Н. Д. Чечулин и другие, чья научная слава в ту пору еще только всходила.

На следующий день Надежда Александровна рапортовала мужу письмом в Нижний: «На мой взгляд, сошло все очень хорошо, благодарили меня и тебя, конечно, все так любезно. Всех гостей было 135 человек, такой массы в моем распоряжении никогда не было. Я сказала графине и многим, что ты будешь 16-тое в Ярославле. Графиня ожидает, что ты будешь читать реферат, и затем приглашала тебя и меня и Глафиру к себе 16-тое обедать. [...]

За столом я сидела рядом с графиней и с Забелиным, первой тост я сказала, затем Шпилевский прочел телеграмму, которую ты прислал Уваровой¹⁷, затем Забелин, Ваня (тот самый брат Н. А. — Я. С.), граф Толстой говорил три раза, Иловайский и многие другие, которых фамилии не упомяну. Обед прошел очень шумно, мы ужасно боялись с Сашенькой (А. А. Гейденрейх. — Я. С.), что не достанет провизии, но Виктор не оконфузил себя, фрукты он покупал в Москве, шампанское подавали в 1 р., кажется, все было очень прилично. Перед рыбой, или после, хорошо не упомяну, подавали рейнвейн, 6 бутылок я дала, и около меня стояла Малага, я угощала своих соседей. Гостей усаживал брат Ваня, напротив графини сидел Толстой, а рядом твои две дочери (старшие — Глафира и Валентина. — Я. С.), Валю я потому взяла, что Шпилевский привез свою племянницу, 9 дам было. Ираиду Петровну (Мальгину. — Я. С.) я сочла неловким пригласить, тетушки бы обиделись, сошло и без кузиночки. Только разве граф скучал, но он потом увлекся Иловайской, действительно, она очень хорошенькая. Многие гости порядком подвыпили, а Шляков так расходился, что хотел пригласить музыку, но я его остановила, мне ка-

¹⁷ Черновик этой телеграммы, написанный рукой Ан. Ал. Титова, сохранился в его письмах к жене: «Надежде Александровне Титовой для передачи графине Уваровой».

жется, это бы было лишнее. Он подносил букеты приезжим дамам — из роз. В Белую палату я не ездила, а в три часа отправилась в земской дом. Дети ездили с Сашенькой, целый день я не могла бы вынести, разболелась бы голова, да я и не нашла особенно нужным, встречать их там, они ко мне приезжали с визитом, но я уже в это время уехала. Думаю, что роль хозяйки исполнила, а впрочем, не знаю, может быть, теперь меня и порицают. Сегодня я очень плохо спала, никак не могла успокоиться после этого удовольствия. Пока до свидания, жду тебя в Ярославле 16-ое непременно. Саша не очень здоров, расстройство желудка, а остальные здоровы, все тебя целуют»¹⁸.

От имени купца Ан. Ал. Титова делегатов съезда на всякий лад потчевали и в кремлевских Княжих теремах, и в доме Уездной земской управы¹⁹. Упомянутый Надеждой Александровной И. А. Шляков, образцовый секретарь ростовского музея (которого к этому делу «приспособил» Ан. Ал. Титов), заведовал научной программой пребывания почтенных экскурсантов в Ростове.

Знаменитый ростовский крестьянин-историк, прославившийся сочинением самобытных «историй» о своем родном крае и других древнерусских землях, старик А. Я. Артынов²⁰, также с не меньшим достоинством исполнял почетную миссию гостеприимного ростовца. Его «отчет» в письме к Андрею Александровичу Титову был по-стариковски наивен и трогателен: «Графиня Уварова от вас в восторге. Иван Егорович Забелин в речи своей о древнем величии Великого Ростова возвел до небес и ктиторов

¹⁸ Там же. Д. 1788. Л. 55–56 об. (письмо от 12 авг. 1887 г.). При открытии съезда Ан. Ал. Титов направил в его адрес из Нижнего Новгорода телеграмму следующего содержания: «С пожеланием полного успеха приветствую открытие Археологического съезда, первого в моем родном крае. Искренно сожалею, что служебные обязанности по ярмарке вынуждают меня отсрочить приезд в Ярославль до 16 августа» (цит. по: Открытие VII-го Археологического съезда в Ярославле // ЯГВ. 1887. Ч. неофиц. № 62. С. 5). Приехав в Ярославль, Андрей Александрович выступил на съезде с сообщением, опубликованном в протоколах съезда, см.: *Титов Ан. Ал.* Раскопки курганов в Ростовском уезде, в мае 1887 года // Труды седьмого Археологического съезда в Ярославле / под ред. гр. [П. С.] Уваровой. М., 1892. Т. 3. Прилож. I. Протоколы съезда. С. 80–81.

¹⁹ См.: *Ростовец*. Ростов Великий (11 сентября). Посещение города членами VII Археологического съезда // ЯГВ. 1887. Ч. неофиц. № 64. С. 1–2. Согласно воспоминаниям историка В. Г. Дружинина: «Город Ростов угощал нас обедом в доме местного археолога А. А. Титова» (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 150).

²⁰ См.: *Воронин Н. Н.* «Сказание о Руси и о вѣщемъ Олзѣ» в рукописях А. Я. Артынова. (К истории литературных подделок начала XIX в.) // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 175–199; Сказания Ростова Великого, записанные Александром Артыновым / сост., предисл., коммент. Ю. К. Бегунова; под ред. К. Д. ван Схоневальда. [М.; Женева, 2000]; Сказания Великого Новгорода, записанные Александром Артыновым / сост., предисл., коммент. Ю. К. Бегунова; под ред. К. Д. ван Схоневальда. [М.; Женева, 2000]; *Лобакова И. А.* К проблеме фальсификации исторических источников // Русская литература. 2005. № 1. С. 28–40; *Она же.* Принципы создания легендарного сказания в творчестве А. Я. Артынова // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 655–669.

возобновления Кремля — Вахромеева, Титова и Шлякова. [...] Многие из гостей спрашивали у меня о тебе и твоём образовании. Мне не верят, что я отвечал им, что вы далее Ростова никуда не шагали, а владеете не одним языком, и наболтал еще кое-что про вашу письменную деятельную неутомимость, — старость болтлива. [...] Завтрак был в княжих термах роскошной, только не было одного человека, — все чего-то недоставало. Нет Титова, нет жизни в обществе, все что-то натянуто и неразвязно. Иван Александрович Шляков, хотя старался занимать гостей, но один и в поле не оратай. Не знаю как для других, а для меня нет Титова, нет жизни, и некому посмеяться над Артыновым. [...] Гости, ходя по всему Кремлю, от удивления приходили в восторг, в особенности в храмах имя Титова было у всех на устах, многие с нетерпением желают видеть лично вас, поэтому многие и спрашивали меня о вашей учености»²¹.

Для маленького Саши Титова подобные большие события в Ростове, связанные с именем и делами его отца, или события поменьше, ограниченные рамками родительского дома, были делом привычным. Они являлись тем непрерывным эмоциональным и интеллектуальным фоном, на котором происходило его взросление. Память о многих интересных людях он хранил с тех самых пор. Впрочем, в детские годы ему гораздо ближе были, кроме родителей и сестер, те, кто непосредственно окружал его в отчем доме — «мама-кока», бабушки, няни, гувернантка, учителя...

О своей крестной — А. А. Гейденрейх — Александр Андреевич тепло и с любовью написал в мемуарах: «Более доброго человека я не встречал в своей жизни, и я думаю, что ее влияние на всех нас в детском возрасте было чрезвычайно сильное и благотворное». Именно с «мамой-кокой» были связаны его самые первые детские воспоминания. В 1952 году, накануне Нового года во французских Альпах, ему припомнился ростовский новогодний праздник, когда «тетя играла на рояле, и мы прыгали вокруг елки». Александра Александровна учила детей своего брата музыке и чтению, и уже шестилетним мальчиком Саша свободно читал.

С раннего детства Саша Титов рос довольно болезненным ребенком. Позже он вспоминал о «какой-то очень редкой болезни», которую перенес в четырехлетнем возрасте, потребовавшей даже приезда в Ростов ярославских медицинских светил. «Видимо, я был очень впечатлительный ребенок, и у меня ночью бывали приливы крови к голове». Надежда Александровна нередко огорчалась из-за слабого здоровья сына: «Дети здоровы, только у Саши было расстройство желудка, 3 дня кумыс не пил, а сегодня жаловался ночью, что ноги болят, замечательно, — он слабой ребенок». Порой она впадала в отчаяние, сообщая мужу о новых неприятных фактах пло-

²¹ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 283. Л. 16–16 об. (письмо от 12 авг. 1887 г.). О VII Археологическом съезде в Ярославле, а также о «верных и благорасположенных» Московскому археологическому обществу ростовцах Ан. Ал. Титове и И. А. Шлякове см. в воспоминаниях председателя Общества и организатора съезда: *Уварова П. С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 132–133.

хого самочувствия мальчика, которому в то время шел уже восьмой год: «На взгляд, Саше кумыс немного принес пользы, на прошлой неделе опять у него был сильный прилив, просто я не знаю, что с ним делать, в высшей степени нервный ребенок, и сильное малокровие»²².

Однако очень живой и подвижный от природы мальчишка постепенно окреп, и болезнь сама собой отступила, а вот «впечатлительность», так свойственная его натуре, осталась. Она-то и заложила основы его характера и немалых способностей, схватывавшего все буквально на лету. Развитию этих творческих начал личности ребенка помогала и та замечательная атмосфера сотворчества в доме, которая здесь царила всегда. Ритм жизни ребячьей половины обитателей дома определяли веселые забавы и игры (иногда совсем «взрослые», к примеру, когда Саша и сестры ходили в сад «нанимать дачу»), подготовка детских любительских спектаклей, в которых каждый из них чувствовал себя настоящим актером, совместное музицирование с тетей и отцом, — ведь он сам недурно играл на скрипке, а в гостиной стоял настоящий раритетный рояль, принадлежавший еще его прадеду. Главные церковные и семейные праздники составляли годовой круг жизни большого и дружного, — включая всю его разноликую прислугу, — купеческого дома на Покровке. Шмелевские мотивы московского «Лета Господня», тонко воссозданные известным писателем в эмигрантские годы в Париже, вдруг вновь с какой-то щемящей тоской о невозвратно утраченном оживают на страницах эмигрантских мемуаров Ал. Ан. Титова о его ростовском детстве.

Серьезное домашнее учение Саши, — с приглашением учителей, настоящими уроками и грифельной доской, — началось уже с семи лет. «Способности у меня были хорошие, я легко схватывал предмет», — вспоминал он о том времени. Выучившись арифметике у приходского священника отца Николая Чуфаровского, Саша на целый год опережал по математике своих сверстников в гимназии. Уже в десятилетнем возрасте он сделался заядлым книголюбом, запоем читавшим произведения русских и зарубежных классиков и «бесконечные» романы графа Салиеса, печатавшиеся в «Историческом вестнике». Кстати, одновременно с этими романами на страницах весьма популярного в ту пору журнала регулярно появлялись и статьи Ал. Ан. Титова, посвященные, главным образом, древностям и святыням Ростова Великого (попутно заметим, что сохранилась любопытная переписка Андрея Александровича с редактором журнала — известным историком С. Н. Шубинским). И Саша, конечно же, не пропускал публикаций своего отца, из которых он узнавал много нового об истории ростовских храмов и монастырей. Все эти великолепные старинные памятники окружали его здесь, в его повседневной жизни. Часы, проведенные в них «за службой», теперь наполнялись еще и реальным историческим временем, в котором жили и простые люди,

²² Там же. Д. 1788. Л. 23–23 об. (письмо от 29 июня 1886 г.); Л. 27–27 об. (письмо от 13 авг. 1886 г.).

и выдающиеся подвижники веры. Духовные подвиги последних бережно сохранялись в изустной памяти многих поколений ростовцев, а его отец делал их достоянием российской историографии.

При поступлении в московское Петропавловское немецкое училище ростовский мальчик довольно уверенно — «без смущения» — читал русские и немецкие стихи. Изучать немецкий язык с гувернанткой Саша начал рано — задолго до того, как стал заниматься с домашними учителями. Судя по переписке супругов Титовых, Вильгельмина Христиановна Кергель (а по-домашнему просто — Мина), немка из Саксонии, в их доме появилась еще до рождения сына — она обучала языку старших дочерей. Когда маленькому Саше было три года, Надежда Александровна сообщала в письме к мужу домашние новости, в которых было и немало забавного: «Ребята здоровы, целуют тебя. Саша все собирается на мне жениться, а ты на Мине Крестьяновне женишься»²³. С тех пор, как Ал. Ан. Титов помнил Мину Христиановну, он был к своей гувернантке по-человечески привязан: «Я как-то сразу к ней пошел...». И уже очень скоро Саша заговорил по-немецки. В ранних письмах Александра Титова к отцу сохранился небольшой немецкий текст, старательно и каллиграфически на разлинованной бумаге выведенный его детской рукой. На обороте листка имеется Сашина трогательная приписка по-русски, указывающая на повод появления этой детской корреспонденции — день рождения отца: «На память для моего милото Папаши. От твоего сына Саши. 1886 г. 17 октября»²⁴. Поступая в немецкое училище, вспоминал Ал. Ан. Титов, «по-немецки я бойко говорил, читал и писал».

В мае 1889 года десятилетний Саша в сопровождении матери и гувернантки отправился в Москву для сдачи вступительных экзаменов. Остановились как обычно, когда Титовы навевывались в столицу, — в гостинице «Лоскутной» на Манежной площади, близ Кремля (это потом Надежда Александровна облюбовет апартаменты возведенной новой и сразу же ставшей модной фешенебельной гостиницы «Боярский двор» на Старой площади, — ныне многим известного здания Администрации Президента, а в советскую эпоху — ЦК КПСС). Лишь Сашино легкое волнение, вперемежку с нетерпением, — ему хотелось поскорей себя проявить, — свидетельствовало о необычности этого его долгожданного путешествия. Уже через пару дней он вполне освоился в большом городе и на зубок знал свой первый самостоятельный московский маршрут: минуя Театральную площадь, через Лубянку и Мясницкую, на Покровку, в уютный, коленом изогнутый Петроверигский переулок, где в большом старинном особняке помещалось Петропавловское училище.

Будущему гимназисту предстояло выдержать пять испытаний «в науках»: два из немецкого языка — устный и письменный, два из русского, и арифметики. Ростовский купеческий сынок был подготов-

²³ Там же. Д. 1787. Л. 9 об. (письмо от 24 июня 1882 г.).

²⁴ Там же. Д. 1754. Л. 3 об.

лен превосходно, и с легкостью отвечал на все вопросы экзаменаторов. По всем предметам строгие учителя поставили Саше «отлично», правда, за исключением одного испытания. В немецком диктанте он, как неожиданно выяснилось, «сделал много ошибок», и потому был удостоен лишь тройки, хотя и с поощрительным плюсом. «Я помню, что мы с Миной Христиановной горько плакали из-за этого диктанта», — уже с улыбкой вспоминал Александр Андреевич состояние общей на двоих с гувернанткой драмы. Ведь именно Мина явилась невольной «виновницей» его неудачи на экзамене. Сашин чистый саксонский говор, сказавшийся и на письме, пришлось не по нутру экзаменатору-пруссаксу. Вот и потребовалось потом мальчику переучиваться произносить в немецких словах «б» вместо «п», и наоборот. Во всяком случае, низкая оценка по одному из предметов никак не сказалась на общих результатах экзаменационных испытаний, и Александр Титов одним из лучших учеников был зачислен в число гимназистов.

В тот майский приезд в Москву на долю Саши выпало еще одно непростое испытание, с которым он, однако, мужественно справился. Врачи уже давно настаивали на хирургическом вмешательстве, и родители, наконец, решились показать мальчика лучшим столичным докторам. Как только экзаменационная эпопея миновала, Сашу определили в клинику, где ему была сделана небольшая, но довольно болезненная урологическая операция. «Если бы мы отложили на год, так операция была бы трудная», — с облегчением писала Надежда Александровна мужу²⁵. Удостоверившись, что сын без каких-либо осложнений поправляется, она проследовала из Москвы по заранее спланированному маршруту — на кавказские минеральные воды, где ее ожидали курорты Железноводска, Кисловодска и Ессентуков. А Саша и Мина Христиановна тем временем уже собирались в обратный путь. 23 мая он сообщал отцу в Ростов: «Операция моя сошла хорошо, и мы надеемся выехать из Москвы в среду вечером. Пожалуйста, вышлите за нами лошадь в четверг утром, а если мы не приедем в четверг, то вышлите лошадь в пятницу. Поцелуй за меня тетю Сашу и Алю и поклонись отцу Николаю. Остаюсь любящий тебя сын твой А. Титов»²⁶.

Быстро пролетело последнее Сашино безмятежное ростовское лето. В августе ему впервые предстояло надолго покинуть отчий дом и вернуться в Москву, которая отныне на многие годы становилась для него новым и пока неизведанным большим домом. Семейные приготовления к отъезду детей на учебу в разные города, — Вареньки в Ярославль, Валентины и Саши в Москву, — проходили в уже привычных хлопотах и заботах. Лишь самая младшая Аленька оставалась пока с родителями. «Сегодня заказывала обедню позднюю у Всех Святых (в ростовском приходском храме Титовых. — Я. С.), — сообщала Надежда Александровна мужу на ярмарку, — Саша и Аля были со мной, они днем совсем не кашляют, Саша ночью еще

²⁵ Там же. Д. 1789. Л. 34 (письмо от 18 мая 1889 г.).

²⁶ Там же. Д. 1754. Л. 11а.

кашляет, как они оба выросли, только Вареньки недостает, к моему счастью, на той неделе съезжу на денек на дачу, с ней повидаюсь». И вот, по прошествии нескольких дней — 16 августа — новое послание: «Послезавтра, то есть в пятницу, днем двинемся с Сашей в Москву, и Сашенька (А. А. Гейденрейх. — Я. С.) едет по своим делам, в субботу половина девятого нужно явиться в школу за молебен»²⁷. Прощай ростовское детство, до свидания родительский дом!..

19 августа 1889 года в Петропавловском немецком училище состоялся общий для всех учеников и преподавателей молебен, ознаменовавший собой начало нового учебного года. В первом ряду новоиспеченных гимназистов стоял невысокого роста худенький, светловолосый мальчишка — купеческий сын Александр Титов. «Помню, я был очень горд, когда первый раз надел серый гимназический костюм — курточку и длинные брюки навыпуск», — через десятилетия вспоминал бывший петропавловский гимназист. Присутствовавшая на том торжественном молебне Надежда Александровна извещала своего мужа: «Сашу я устроила, остался он веселым...»²⁸.

²⁷ Там же. Д. 1789. Л. 64 (письмо от 12 авг. 1889 г.); Л. 67 об. (письмо от 16 авг.).

²⁸ Там же. Л. 68 (письмо от 22 авг. 1889 г.).

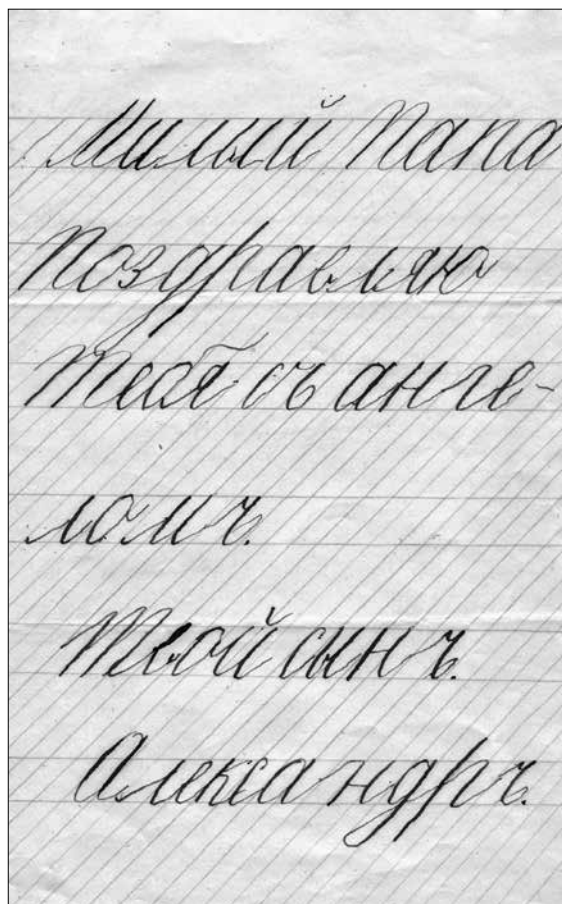

*Ил. 1. Дом Титовых
на Покровской улице
в Ростове. ГМЗРК*

*Молодожены Надежда
Александровна и Андрей
Александрович Титовы.
Фото из архива автора*

Дети Титовых (слева направо): Валентина, Варвара, Глафира, Александра и Александр. 1883 г. ГМЗРК

Ил. 3. Письмо 7-летнего Саши своему отцу – Андрею Александровичу Титову.
16 октября 1885 г. ГАЯО

Ил. 4. Гимназист Александр Титов. 1889. Фото из архива автора